

ДЕТСКИЕ ВОСПОМИНАНИЯ О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ В ПРОСТРАНСТВЕ СОВРЕМЕННОЙ УСТНОЙ ИСТОРИИ

С. А. ХУБУЛОВА, Э. В. ХУБУЛОВА

Актуальность избранной проблемы связана с тем, что вызовы истории, способствовавшие изменению методологических подходов в гуманитарной науке, привели к появлению возможностей формирования новых направлений, а многие узловые проблемы отечественной истории также получили новое прочтение. Например, самостоятельность обрели такие научные школы, как интеллектуальная история, история повседневности, устная история.

«Устная история» (Oralhistory) – это относительно новое научное направление, интенсивно развивающееся со второй половины XX в. Термин «устная история» был введен еще Барбэ д'Оревилли в середине XIX в., однако получил распространение после работ американца Аллана Невинса, который основал в США Исследовательский центр по изучению устной истории. До настоящего времени именно в США устная история получила наибольшее распространение [1].

Устная история – это новое направление в современных социальных науках. В течение десятилетия было основано несколько журналов, например, в США «Qualitative Sociology» («Качественная социология», 1978) и «International Journal of Oral History» («Международный журнал устной истории», 1980), в Испании «Historia y fuente oral» («История и устные источники», 1988) или в Германии журнал биографического исследования и устной истории под названием «BIOS» («БИОС», 1988).

В России в последние десятилетия также получили развитие различные аспекты этого направления социальной истории. К сожалению, долгое время сама ювенальная история находилась в жестких идеологиче-

ских рамках, рассматривая лишь героические поступки детей и юношества в годы войны. Однако открывшиеся возможности и привлечение новых источников позволяют изучить проблему с помощью нового методологического инструментария.

Устная история отвечает потребности исследователей перейти от изучения «великих людей и событий» к «истории снизу», подчеркивая тем самым ценность любого человека как субъекта истории [2]. Историческая память отдельной личности, отдельной семьи, вписанная в локальную и глобальную историю, наполненная эмоциональностью (как положительной, так и отрицательной), повседневностью, мировоззрением, мотивацией и ценностными ориентирами, имеет огромное значение для понимания прошлого. «Теперь история обращается к прошлому через настоящее, – отмечают исследователи, – через современников и их память, их отношение к прошлому. Люди и их воспоминания становятся документом, историей. Ценным здесь является то, что полученный материал позволяет узнать о тех или иных событиях, об отношении людей к этим событиям, об их мыслях, чувствах, переживаниях» [3, 138].

Определенный интерес представляет использование методологических подходов «устной истории» для восполнения существующих пробелов в пространстве истории Великой Отечественной войны.

Исследования по истории Великой Отечественной войны долгое время вписывались в традиционную историографию. По сути дела, история Великой Отечественной войны была написана на основе официальных источников (отчеты, донесения, сводки и проч.). Однако в связи с развитием исто-

рической науки в последние годы большое внимание стали уделять нетрадиционным нарративным источникам, полученным из устной истории, воспоминаний рядовых участников, современников. Источниковая база этих исследований предполагает существенное расширение привлекаемых материалов.

С точки зрения использования в исторических исследованиях по истории Великой Отечественной войны воспоминаний большой интерес представляют свидетельства детей войны, которые наряду со взрослыми переносили тяготы войны [3].

Цель настоящей работы – сохранить живую память, воссоздать черты той эпохи, показать мир глазами детей. Это позволяет заглянуть в повседневный мир маленького человека, «услышать голос безмолвствующего большинства», что даст возможность изучить те аспекты проблемы, которые оказались на периферии научного поиска.

Изучение военного детства и памяти о нем требует привлечения источников личного происхождения, что, по мнению исследователей, создает возможность быть услышанным наукой рядовым участникам исторического процесса, людям, которые не оставили бы после себя письменных источников, составляющим так называемое «безмолвствующее» большинство [4, 3].

В исторической науке отношение к воспоминаниям долгое время было неоднозначным. Это обуславливалось большой долей субъективного фактора, собственного такого рода источнику. На современном этапе воспоминания начинают приобретать все большее значение. В последние годы признана необходимость интервьюирования свидетелей и непосредственных участников важных событий истории страны.

Актуальность сбора детских воспоминаний, на наш взгляд, не подлежит сомнению. Во-первых, интервью дополняют имеющиеся документальные источники, во-вторых, а это более важно, являются способом проверить, сопоставить и проанализировать официальную версию исто-

рии, которая нередко была далека от истинного положения.

Детские воспоминания о войне в интерпретации взрослых – это многоуровневый текст, где присутствуют не только личные переживания. Во многом это связано с тем, что, несмотря на общее для всего тылового населения жизненное пространство, детская социальная ниша занимала особое место, что определяется, согласно А. Шюцу, его биографической ценностью [5, 68]. Каждая детская биографическая ситуация неповторима, это приводит к различиям в видении каждым отдельным человеком окружающего его мира и собственного положения в нем. Следовательно, детская историческая память субъективно интерпретирует военное прошлое, события, самого себя.

Нередки ситуации, когда респондент в свои детские восприятия вплетает чужие воспоминания и впечатления, т.к. они практически не отличаются от пережитого им опыта и соответствуют «эмоциональному фоновому ощущению», связанному с тем временем. На оставшиеся в памяти образы детства наслаиваются заимствованные воспоминания, многочисленные культурные репрезентации. Определенное влияние оказывают также половые, этнические и другие различия респондентов. Например, гендерные различия выражаются в том, что женские воспоминания отличаются большей эмоциональностью, детализацией и красочностью.

Основополагающими типами являются автобиографические и тематические интервью с детьми войны:

– автобиографическое интервью строится по модели «история жизни». Чем менее такое интервью структурируется вопросами исследователя, тем более автобиографичным получается его текст, где акценты значимости событий жизни расставляются самим респондентом, а не историком;

– тематическое интервью частично состоит из автобиографического, но оно более структурировано. Основной частью повествования являются ответы на конкретные исторические вопросы. Цель – исследова-

ние конкретного события, факта, явления прошлого. При этом рассказчик может или намеренно оставаться «за кадром» или, напротив, демонстрировать свою значительную роль в описываемых событиях.

При проведении интервью и последующем анализе полученных данных нужно учитывать и некоторые методологические особенности. Нередко можно услышать сомнения относительно ценности устной истории. В первую очередь говорят о высокой степени субъективности материалов, полученных в результате интервьюирования. Рассказчик своим повествованием как бы творит историю, создает ее, моделирует свое прошлое в соответствии с мировоззрением, политическими и культурными установками, особенностями своей биографии и социальной роли, психологическим настроем.

Кроме того, нельзя забывать о свойствах характера и темперамента рассказчика. Так, человек, склонный к депрессии или разочарованный в жизни, скорее всего не станет разукрашивать радужными красками свою биографию.

Еще одна проблема состоит в том, что проговоренный рассказчиком текст подвергается воздействию со стороны интервьюера. Поэтому устная история обязательно становится продуктом совместной деятельности рассказывающего и того, кому рассказывают. Кроме того, при расшифровке записи и ее переводе на бумагу у исследователя возникает соблазн исправить текст, сделать его «более правильным» – и в смысловом отношении, и в грамматическом. При этом историк выступает как бы соавтором текста. И это привносит в него много субъективных элементов, уменьшает значение рассказа как исторического источника.

Участники проекта собрали 90 глубинных биографических интервью у информаторов, которым в период войны было 5-18 лет, с целью отразить рефлексии военного времени, отложившиеся в детской памяти. Детство традиционно протекает в семейном окружении, под влиянием близких, значение которого особенно важно в

период дошкольной и школьной социализации. Однако в период войны эти семейно-родственные связи претерпевают существенные изменения, что неизбежно сказывалось на формировании детской картины мира [6, 94.]

Перед исследовательской группой стояла задача выяснить динамику взглядов респондентов на свое военное прошлое и его современную интерпретацию. Вот примерный план интервью:

1. История жизненного пути.
2. Этапы социализации.
3. Социальное окружение.
4. Как узнал о начале войны?
5. Кто из родных воевал на фронте?
6. Где находилась семья в период битвы за Кавказ?
7. Была ли семья в оккупации, если да, то как относились оккупанты к жителям?
8. Работал ли респондент на оборонных предприятиях, в колхозе?
9. Помогал ли кто-то продуктами питания или деньгами?
10. Понесла ли семья потери в годы войны?
11. Расскажите об интересном событии тех лет.

Респонденты на предложение дать интервью реагировали по-разному: одни отказывались, ссылаясь на тяжелые воспоминания, другие с радостью соглашались, полагая, что их героическая жизнь станет примером для молодежи, третьи согласились без особого энтузиазма.

Интервью проводилось с сельскими жителями, горожанами в домашних условиях, в поликлиниках, на общественных мероприятиях.

Полученные ответы обрабатывались методом контент-анализа. Истолкование результатов предполагает анализ:

- обстановки, в которой находилась семья (прифронтовая полоса, оккупированная территория, глубокий тыл);
- основного фона эмоциональных переживаний в период войны;
- ценностных ориентаций, интересов, среды общения, социальной активности личности в военное время.

Точность, правдивость, полнота описаний или, наоборот, расплывчатость, домысел, субъективность информаторов определяются множеством причин, среди которых, несомненно, индивидуальные черты, да и специфика эпохи.

Основными темами, на которых базируются воспоминания, являются семья, трудности в годы войны, начало трудового пути, смерть близких, отношение к оккупантам.

Респонденты приводят факты и свидетельства, которых никогда в исследованиях военной истории не публиковали и просто замалчивали. Е. Симеониди вспоминает, что ее отца в 1938 г. репрессировали как иностранноподданого. Семью выслали из Краснодара в Северную Осетию (с. Гизель): «Когда немцы стали наступать на г. Владикавказ, село оказалось на линии боевых действий, и семья Симеониди, как и многие другие, спешно эвакуировалась во Владикавказ. Жили очень тяжело, маме было нелегко содержать пятерых детей. Я пошла работать в автомастерскую. Работа была тяжелая, малооплачиваемая. Если бы не помощь сестры отца, мы не смогли бы выжить» [7, 19].

Поражает цепкая детская память на факты. Т. Леков указывает: «Уже во вторник, 24 июня, к зданию Ардонской средней школы, где был развернут сборный пункт военкомата, стали стекаться со всех сел и станиц на грузовиках, подводах, пешком. Много среди них было добровольцев. Военный комиссар Ардонского района майор Аносов уже который раз разъяснил, что очередь дойдет до каждого. Среди собравшихся не было паники, люди были уверены, что война ненадолго. Возникали стихийные митинги, на которых молодые ребята заверяли односельчан, что не посрамят честь советского воина. А Темиркан Дзигасов пообещал землякам привезти голову самого Гитлера» [7, 103].

Война не обошла и семью З. Демшиновой: «Папа ушел на фронт добровольцем. До сих пор бросает в дрожь, когда слышу “Прощание славянки”»: папу и других мужчин отправляли на фронт под этот марш, на

вокзале, где шла отправка, поднялся такой крик и плач, что было страшно... Для нашей семьи начались долгие месяцы ожидания. Мой папа попал в окружение под Оршей, был в плену. Бежал трижды. Последний раз его и других военнопленных вывели на расстрел. Немцы приказали им закопать живьем группу мужчин. Он отказался. Тогда другим приказали то же сделать с непокорными. Отец очнулся во рву от страшной боли в груди. На него навалили тяжелый камень, который продавил грудную клетку. Выжил, после немецких лагерей некоторое время находился в советском лагере до выяснения обстоятельств. Был направлен на работу в шахты Донбасса. Вернулся домой только в 1946 г.» [7, 96].

А. Золоев рассказывает: «Семья, в которой было 5 детей, проживала в годы войны в с. Мостиздах. Отец ушел на фронт и через год погиб. Я с мамой работал в колхозе, пас свиней. На работу каждый день выдавали кусок черного хлеба или чурек и сыворотку. Я припрятывал хлеб и потом кормил им своих младших. Весной работал в поле – полл кукурузу, картофель, а осенью помогал собирать урожай. На обед давали вареную свеклу, а бурачную воду пили вместо чая. В конце рабочего дня выдавали по половине пшеничной лепешки». А. Ковтун поведал о таком эпизоде: «Жить было сложно, хлеб в то время был кукурузный – желтый-желтый, мы его прозвали “кирпичик”. Спасали приусадебные участки, подсобное хозяйство. А многие дети голодали. Мама рассказывала такой случай. Была она по делам в городе, проголодалась и купила пирожок. Только надкусила, подбежал мальчишка лет 10, выхватил этот пирожок из маминых рук и побежал»

Опрашиваемые отмечают, что в тяжелые военные годы многие родственники (особенно в сельской местности) объединялись в большие семьи, т.к. мужчины были мобилизованы в армию, взрослые женщины привлекались на различные работы, дети оставались либо под присмотром стариков, либо старших детей. Так, А. Сланова отмечает, что мать, ее сестры и братья объединили свои семьи и из приф-

ронтовой полосы отправили их в горы (с. Тиб) с тем, чтобы там дети могли пережить тяжелые времена. Сами остались в окрестностях Владикавказа и копали противотанковые рвы, работали на предприятиях. «Мой дядя иногда привозил нам, 12-ти детям, немного муки и вяленой баранины, чтобы хоть как-то прокормить. За водой мы ходили по очереди, т.к. родник был далеко от села. Хлеба не хватало, нас спасала кукуруза, из которой мололи муку и делали чуреки. Их надо было есть свежими, т.к. потом было не разгрызть. Труднее всего приходилось грудным детям, которым не хватало молока» [7, 85].

В воспоминаниях приводятся факты, которые нередко противоречат устоявшимся клише о войне, помогают по-новому взглянуть на некоторые аспекты повседневной жизни военной поры. Документальных подтверждений подобного рода информации часто не оказывается, она сохранилась в памяти поколения, в связи с чем данные воспоминаний в этом случае выступают как основной источник. И. Бадтиева, которая переживала оккупацию в с. Иран, вспоминает: «В нашем селе квартировали немцы. На крышах некоторых домов они установили пулеметы. Они ждали нападения со стороны райцентра – с. Эльхотово. В нашем доме жили два немецких офицера. Они вели себя предупредительно, не обирали нас. Один из них, он, наверное, был по званию выше, меня даже иногда баловал, говорил, что я похожа на его дочь, по которой он сильно скучал». Н. Сабеева также свидетельствует: «В нашем доме были расквартированы немцы. Один из них улыбнулся мне, протянул сверток. Я взяла его и только в окопе обнаружили в нем что-то съестное. С тех пор я чаще стала ходить в свой дом. Не помню, чтобы немцы тронули детей или женщин» [6, 106]. Совсем иные воспоминания сохранились у Е. Пагаевой из ст. Змейской: «В нашей станице были размещены румыны. Они издевались над нами, заставляли им прислуживать; перебили всю домашнюю живность. Как-то один солдат заставлял моего соседа, мальчика 13-14 лет, почистить ему сапоги.

Обозленный мальчик вспылал и плюнул солдату в лицо. Не знаю, чем закончилось бы дело, если бы по делам в станицу не приехал немецкий офицер. Он замял инцидент».

М. Блиев, который взорвал немецкую заправку в своем селе Урух, отметил факт изменения своего восприятия врага после удачного противодействия ему: «Мое подростковое сознание никак не могло примириться с немецким господством в Осетии, – вспоминал Блиев. – Когда я увидел, какой стрелковый и пушечный шум они (немцы) подняли из-за взрывов на заправке, стал смотреть на немцев как на трусливых людей. Если же судить по-взрослому, то в глубине души у самих немцев не было уверенности в их долгом пребывании на Кавказе» [8, 19].

Детская цепкая память запечатлела и факты отрицательных явлений, о которых никогда не упоминалось в открытой печати. Так, Г. Хубулов вспоминает, какое недовольство станичников вызвало поведение ответственных работников Кировского района, которые открыто подготавливались к самовольному уходу (бегству) в безопасные горные районы, обеспечивали себя вещами, продуктами и верховыми лошадьми, забирая много колхозного добра. Когда возмущенные колхозники подошли к дому парторга ст. Змейской, последний, выйдя к ним, стал стрелять из револьвера (кстати, данная информация стала доступна и в Центральном госархиве РСО-Алания).

Не все солдаты вернулись к своим семьям. Но какая радость царила в домах, куда приходили фронтовики. З. Кондохова до сих пор помнит свои ощущения от встречи с братом, который воевал: «Мы не переставали его ждать, и он вернулся в 1949 г. Как-то утром к нам во двор вошел незнакомый мужчина, я его не сразу узнала. Он крикнул: “Мама, я вернулся!” Вся семья еще долго не могла опомниться от счастья видеть своего брата живым и возмужавшим». День Победы стал для нас самым радостным, самым счастливым днем в нашей жизни! Узнав, что война закончилась, люди бежали на улицу. Прохожие стучали в окна и кричали: “Победа!” Ликование шло допоздна».

Таким образом, можно отметить, что материалы воспоминаний начинают использоваться для решения ряда задач как более самостоятельный источник. В то же время исследователи привлекают по большей части воспоминания для дополнения других видов информации, оживления и насыщения самого текста. Однако можно отметить

слабое использование воспоминаний детей войны с точки зрения получившего в настоящее время все большее распространение культурно-исторического подхода. Это позволит раскрыть потенциальные информативные возможности устной истории по реконструкции образов, ценностей общества периода Великой Отечественной войны.

-
1. Доэл Р. «Устная история» в историографии современной науки: опыт и проблемы // Вопросы истории естествознания и техники. 2003. № 4.
  2. Бутько В. Н. «Устная история» в контексте изучения личности // Роль личности в истории: реальность и проблемы изучения. Минск, 2011.
  3. Стрекалова Е. Н. Военное детство 1941-1945 гг. по данным устных источников // Народы Юга России в Отечественных войнах: Материалы международной научной конференции. Ростов н/Д, 2012.
  4. Лоскутова М. В. Устная история. СПб., 2002.
  5. Шюц А. О множественных ценностях // Избранное: Мир, светящийся смыслом. М., 2010.
  6. Хубулова С. А., Болотаева М. О., Кучиева З. А. Детские воспоминания о Великой Отечественной войне. Владикавказ, 2013.
  7. Хубулова С. А. Я вспоминаю. Владикавказ, 2009.
  8. Блиев М. М. Осетия кручина моя. Владикавказ, 2011.